

ДБ82

Б957

СЕМЕН БЫТОВОЙ

РЕКА ТВОИХ ОТЦОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Вспомнив эту историю, Николай Павлович подумал, что совершенно напрасно передоверил дело с шаманскими побрякушками Фене. Надо было самому поговорить с Никифором, растолковать ему, что к чему, но учитель закрутился с делами и не сделал этого.

К счастью, потом все уладилось.

Матрена осенью съездила в Копи, привезла отца, и с тех пор старый Никифор, последний ороцкий шаман, доживает свой век в Уське и даже не хочет вспоминать о прошлом...

«СЫН ГВАРДИИ СТАРШИЙ СЕРЖАНТ...»

1

В июле 1941 года, в начале Великой Отечественной войны, в лесной ороческой школе состоялся первый выпуск. С фронтов приходили тревожные вести. А когда поздней осенью немецкие полчища приблизились к Москве и на ее подступах разгорелись большие оборонительные бои, решили добровольно уйти на фронт и воспитанники Николая Павловича.

Дети природных охотников, они отлично владели ружьем, метко, без промаха стреляли лесных зверей, и теперь их снайперское мастерство могло пригодиться на войне.

Собравшись однажды на берегу Тумнина, вдали от поселка, юноши провели там весь день, что-то обсуждали между собой, записывали в тетрадку.

Вечером они пришли к Николаю Павловичу, молчаливо уселись на кушетку, без конца переглядываясь, и долго не решались заговорить. Учителю показалось, что пришли они по серьезному делу, и он первый нарушил тишину.

— Ну, друзья, рассказывайте, что у вас? — спросил он Кирилла Батума и с удивлением заметил, что обычно спокойный, уравновешенный юноша нервно теребит свернутую в трубку тетрадь. — Ну, ну, смелее! Говорите же, в чем дело?

Кирилл встал, посмотрел на своих друзей и, развернув тетрадку, стал читать:

«Письмо нашему учителю от группы бывших учеников ороческой лесной семилетней школы.

Дорогой Николай Павлович! С первого класса вы учили нас, орочей, любить Родину — Союз Советских Социалистических Республик. Вы рассказывали нам, как велика и богата наша страна. Мы хорошо запомнили ваши слова и с детских лет гордимся нашей отчизной, крепко любим ее. Только в нашей свободной стране мы, орочи, люди далекой тайги, получили счастье и стали равноправными гражданами СССР. Дорогой Николай Павлович, вы много раз говорили нам, что в грозное для нашей Родины время мы должны стать грудью на ее защиту, что это наш священный долг. И вот, дорогой Николай Павлович... — Тут у Кирилла дрогнул голос. Он умолк, вытер рукавом вспотевшее лицо, перевел дыхание. — Дорогой Николай Павлович, большое спасибо вам за все, что вы сделали для нас! Будьте счастливы с Валентиной Федоровной. А мы уходим на фронт защищать Москву. Верьте нам, Николай Павлович, что мы вас никогда не подведем...»

— Кто это писал? — спросил учитель.

Ребята почему-то подумали, что письмо написано не так, как нужно, и не сразу ответили.

— Что же вы молчите?

Тогда из-за спины Кирилла Мурга Тиктамунка сказал:

— Все вместе писали. С самого утра ушли на Тумнин и писали.

Учитель взял у Кирилла тетрадь, пробежал глазами письмо и несколько секунд стоял молча. Его всегда открытое лицо неожиданно замкнулось, сделалось строгим, а в уголках глаз собрались тоненькие морщинки.

Ребята с ожиданием смотрели на учителя.

Они, конечно, догадывались, что творится у него на душе, и были уверены, что он ничего не скажет против их желания уйти на фронт, но то, что Николай Павлович медлил с ответом, заставило их подумать, что в письме сказано не все, что они чего-то не договорили.

— Хорошо, мальчики, — наконец сказал он негромко и взволнованно, прижимая тетрадку к сердцу. — Я верю вам... Это очень дорогое для меня письмо.

Ребята оживились. А Кирилл признался:

— Мы еще раньше, когда школу кончили, думали на

выпускном вечере с письмом к вам обратиться. Пробовали составить — не получилось.

— Разве усидишь в Уське, — воскликнул Филя Быхинька, — когда такая война идет! В газетах читаем про фронтовых снайперов, как они в цель стреляют и на своем счету по двадцать убитых немцев имеют. А мы, орочские ребята, сами знаете, Николай Павлович, с детства метко зверей бьем. А уж в таких диких зверей, как фашисты, думаю, не промахнемся. Верно, Кирилл?

— Верно, Филя, — поддержал Мурга, — только бы в руки получить снайперскую винтовку. Я читал, что она с оптическим прицелом, не то что наши охотничьи берданы.

— Только, мальчики, давайте договоримся: раз в две недели каждый из вас будет писать нам, — сказал Николай Павлович.

— Живы будем — напишем, — пообещал Кирилл. — Коротко: жив, здоров, воюю!

Разошлись в первом часу ночи. Над тайгой стоял молодой, недавно народившийся месяц. С моря дул холодный осенний ветер. Он срывал с деревьев сухие, пожелтевшие листья, кружил их в воздухе.

Зимой стали приходить в Уську-Орочскую сложенные треугольничками короткие солдатские письма:

«Здравствуйте, дорогие пионеры моей любимой лесной школы!

Посылает вам свой боевой комсомольский привет ваш земляк снайпер Кирилл Батум. Я не забуду вас, как не

забуду цветы, что растут в нашей тайге. Мои милые ребята, в боях на фронте я защищаю вашу жизнь. Бью врагов беспощадно. Я такой же здоровый, каким был в школе. Передайте всем нашим охотникам, что стрельба идет хорошо. Боевой сердечный привет моим дорогим учителям. Если останусь жив, то скоро встречусь с вами, потому что победа наша близка. До свидания, пионеры!

Старший сержант
Кирилл Батум».

«Здравствуйте, дорогие Валентина Федоровна и Николай Павлович!

Прошу принять от меня горячий боевой привет. Спешу сообщить Вам, что я живу хорошо и служу хорошо. Дорогая Валентина Федоровна, я всегда вспоминаю Вас, как родную мать, а Николая Павловича, как родного отца. Вы воспитали меня и наш лесной народ в любви к своей Родине. Спасибо!

Жму крепко Вашу руку. Ваш бывший ученик Ким Пунадинка».

«Дорогой Николай Павлович!

Недавно читал в газете, что Вас наградили орденом Ленина. Я плакал от радости, уходя в бой. Если не погибну, напишу в Москву, какой Вы души человек. Писать дальше некогда, гремит бой, идем в атаку.

Гвардии пулеметчик, ороч
Сеченка Владимир».

«Мои дорогие Николай Павлович и Валентина Федоровна!

Долго не писал, потому что был ранен осколком. Теперь опять жив-здоров. Спешу в родную роту, потому что там без меня скучает моя верная снайперская винтовка. Не беспокойтесь за меня, я в боях закалился. Когда есть время, всегда о Вас думаю. До свидания.

Ваш ученик
Филипп Быхинька».

Весной 1943 года Кирилл Батум прислал учителю номер красноармейской газеты. На первой странице

было напечатано письмо писателя Ильи Эренбурга лучшему снайперу Н-ской дивизии.

«Вы — подлинный рыцарь!

Дорогой товарищ Кирилл Батум!

Я хочу Вас поблагодарить от всей души. Вы сделали большое дело. Вы освободили землю от 38 человеконенавистников.

Сын небольшого, но отважного народа, далеко от украинских степей Вы били пушного зверя. Вы были мирным гражданином мирной страны. Вряд ли Гитлер знает, что живут на свете эвенки. Он плохо разбирается в географии, невежественный и сумасшедший ефрейтор. Для него карта мира — это карта кушаний. Он смотрит, что можно сожрать. Если бы фашистам сказали, что на далеком севере живут звенки, фашисты, вероятно, решили бы, что звенки — дикари. Я знаю, товарищ Кирилл Батум, что Вы любите стихи Маяковского. Вы — гражданин просвещенной и свободной страны. Вы били зверя. Теперь, когда фашистские дикари напали на наши города и села, Вы бьете фашистов. Вы были охотником. Вы стали судьей.

Вы знаете искусство снайпера: у Вас спокойствие, которое страшнее гнева. У вас ясен глаз и тверда рука. Но в сердце Вашем огонь. Вы бьете фашиста не потому, что Вы хороший охотник. Вы бьете фашиста потому, что Вы — друг детей, защитник жизни и покровитель слабых, потому что Вы, дорогой Кирилл Батум, подлинный рыцарь.

Вас благодарят все женщины, все матери России, и с гордостью я, русский писатель, жму Вашу благородную руку. Вы говорите с каждым фашистом только один раз. Вы говорите с ним коротко и ясно. После такого разговора фашист больше никуда не пойдет. Вы умеете поставить в конце точку. Вы ставите ее пулей.

Я желаю Вам боевого счастья. Я желаю Вам покарать последнего фашиста в тот изумительный час, когда над нашей измученной землей встанет солнце Победы.

Илья Эренбург».

Но радость вскоре сменилась печалью.

Поздним вечером, когда все уже собирались ложиться спать, кто-то тихо постучался к Николаю Павловичу

и вызвал его на улицу. Когда он открыл дверь и увидел старого Батума с заплаканными глазами и трясущимся подбородком, сразу почувствовал недоброе.

Батум молча протянул учителю распечатанный конверт.

— Что-нибудь с Кириллом? — спросил Николай Павлович, но отогнал тревожную мысль.

Вечер был светлый, лунный, и учитель тут же на улице прочитал письмо:

«Дорогой Николай Петрович!

Командование части сообщает Вам, что Ваш сын, гвардии старший сержант Кирилл Николаевич Батум, при наступлении на высоту 185, проявив геройство и отвагу в бою, погиб смертью храбрых. Разделяя с Вами отцовскую печаль по поводу дорогой потери, мы одновременно сообщаем, что Кирилл Батум был гордостью нашего подразделения. Его мужество и бесстрашие в самых горячих схватках с ненавистными врагами всегда служили примером для товарищей. Светлый образ Вашего сына и нашего боевого друга мы сохраним в своих сердцах надолго. Входим с ходатайством о зачислении гвардии старшего сержанта снайпера Кирилла Николаевича Батума навечно в списки личного состава нашего подразделения.

Вечная слава герою!
Прощайте, родной отец!»

— Зайдите в дом, Николай Петрович, — сказал учитель, обняв за плечи старого эвенка и пряча от него лицо.

Мать Кирилла еще ничего не знала. Николай Петрович, получив на почте письмо и прочтя его там же, сразу же побежал к Сидоровым. Он знал, что здесь, как это уже бывало не раз в его жизни, найдет утешение и в этот горестный час.

2

Когда Кириллу было шесть лет, старухи орочки пожаловались на него.

— Твой хусе хитэни¹ совсем озорник, прямо в зубы

¹ Сын.

стрелял нам. Унять не можешь его! — ворчала орочка, держась за подбородок.

— Мэчэлайви?¹ — удивился отец Кирилл. — Он еще в руках ружье не держал, — и крикнул жене: — Энэ, пошли ко мне мальчика!

Батум недавно переселился из тайги на Тумнин с несколькими звенкийскими семьями, и в присутствии орочек говорил на их языке, подчеркивая этим свое уважение к добрым соседкам.

Мать Кирилл вышла из шалаша, провела ладонями по заспанному лицу, прищурила глаза от солнца, окликнула сына. Кирилл не отозвался. Он видел, как старушки пошли на него жаловаться, и спрятался.

Как только старухи ушли, он, прячась в кустах, побежал за ними вслед. Только они уселись на бревне посушить и покурить, Кирилл прицелился из рогатки в крикливую старуху и вышиб у нее изо рта трубку. Старуха испуганно всплеснула руками, закричала, упала с бревна.

Вечером отец забрал у Кирилл рогатку, сказал, что выпорот ремнем, и велел сыну пойти попросить у орочек прощения.

— Недавно на Тумнин перекочевали. Люди приняли нас, помогли, а ты обижаешь добрых соседок. Нехорошо так. Если рогатку сделал себе, ходи в лес, рябчиков стреляй...

— Ладно, верни рогатку, пойду рябчиков стрелять.

— Ты прежде пойди к старушкам, скажи, что больше не будешь.

И Кирилл пошел.

— Больше стрелять не буду, — виновато опустив голову и не глядя на соседок, произнес он.

Старушка, у которой Кирилл вышиб изо рта трубку, сердито сказала:

— Как не стыдно тебе — старых людей тревожишь! Посидеть нам тихо не даешь.

— Сказал — не буду! — тоже сердито ответил Кирилл.

Солнце стало садиться, над тайгой зажегся закат, мохнатые вершины деревьев порозовели. В это время много рябчиков садится на ветки. Кирилл сшибал их ро-

¹ Стрелял?

гаткой, а когда это наскучило ему, стал ловить их живьем. Привязал к палке шпагату, сделал на конце петлю и забросил на ветку. Как только рябчик засунет голову в петлю, Кирилл дернет палочку, затянет петлю — и рябчик был таков.

— Черный рябчик — глупый рябчик, сам в петлю лезет, — весело смеялся Кирилл.

Рос мальчик вольно, без присмотра, как, впрочем, росли все дети лесных жителей. Кирилл выделялся среди сверстников смелостью, смелостью и озорством. Он был зачинщиком всех игр, и даже ребята постарше тянулись к нему. Кирилл учил их набрасывать навыверт¹ на рога оленей. Однажды он взобрался на старого оленя — и тот понес его в заросли и сбросил возле речки. Кирилл покатился со склона сопки в ледяную воду и с трудом выбрался из нее. Умел он темной ночью находить в тайге тайные тропки, о которых не знали даже старики. Умел быстро разжигать костры в ветреную погоду: по-особому складывал хворост и поджигал его первой же спичкой.

Рано Кирилл взял в руки ружье. Когда отец доверил ему бердану, мальчик был счастлив. Но вскоре посыпались жалобы: вместо настоящей охоты началось озорство. Кирилл ставил к дереву мальчишек, клал им на голову спичечный коробок и, отойдя шагов на пятьдесят, сбивал коробок пулей.

Опять пошли на него жалобы: еще застрелит кого-нибудь. Тогда Кирилл стал давать мальчишкам медный пятак, велел как можно выше подбросить — и на лету сбивал пулей монету. Сверстники восхищались Кириллом, готовы были идти за ним в огонь и в воду. Он и вводил их частенько в глубь тайги, и по несколько дней они не возвращались в стойбище. А однажды пропали на целую неделю. Поднялась паника. Кто-то даже сказал, что видел по следу медведя человеческие кости. Женщины подняли крик. Пришлось отправить на поиски охотников.

¹ Специальная веревка.

Двое суток они бродили по тайге и на горном перевале, в темной пещере, обнаружили ребят.

Оказывается, мальчишки решили поиграть в разбойников и обосновались в пещере.

Днем отсыпались, а ночью, вооружившись рогатками и шестами, выходили «разбойничать». Ловили филинов, сов, летучих мышей... А один раз гнались за медведем. Хорошо, что медведь молодым оказался и, когда ребята подняли крик, со всех ног пустился бежать. А попался бы старый, злой шатун, досталось бы «лесным разбойникам».

В школу Кирилла привели поздней осенью. Впервые попав на урок, он ни за что не хотел сесть на заднюю парту. Всегда считался главным среди мальчишек, а тут сажают его последним, да еще с девчонками. Обиделся. Но других мест в классе не было, и Кирилл упрямо простоял весь урок.

Однажды, когда прозвенел звонок и ученики сели за парты, место Кирилла оказалось пустым. Учительница послала Мургу узнать, что с Батумом, не болен ли? Мурга вернулся и сообщил, что Кирилла в интернате нет и ружье его на стене не висит.

— Наверно, ушел на охоту, — заключил Мурга, — давно собирался.

Вернулся Кирилл из тайги вечером, но не в интернат, а домой.

— Что, сынок, отпустили с урока тебя? — спросил отец.

— Нет, сам сбежал, — честно признался Кирилл. — Ружья жалко стало, долго без дела на стене висит.

— Где же добыча твоя?

— Сохатого поймал.

— Где же он, твой сохатый?

— Там, в тайге остался. Пойдем, отец, покажу.

— Далеко?

— Нет, близко, у первой протоки.

До первой протоки было километра полтора, и Николай Петрович решил сходить туда, посмотреть, действительно ли Кирилл убил лося. Стали на лыжи — и пошли.

Каково же было удивление старого охотника, когда увидел привязанного ремнем к дереву рогатого зверя.

— Как же он живым дался в руки тебе?

— А я сперва в переднюю ногу лося выстрелил, по-

том в заднюю. А когда он упал, я и привязал его к дереву...

— Просто не знаю, что делать с тобой. Без озорства жить не можешь. Зачем сохатого мучил, ведь он пропадет? И кто тебя на охоту посылал? Смотри, сын, заругает Николай Павлович за то, что из школы сбежал. Все мальчишки в классе сидят, а ты по тайге бродишь.

— Ничего, догоню мальчишек.

— Ладно, беги в интернат, а то худо будет.

Кирилл вернулся в интернат ночью. Тихо отворил дверь, прошмыгнув в темную комнату, разделся и лег, укрывшись с головой одеялом.

Назавтра учитель сказал:

— Юный пионер, который нарушает дисциплину, самовольно уходит с урока, не достоин носить красный галстук!

Кирилл побледнел, губы у него задрожали. Он почувствовал на себе десятки глаз.

— Выйди к доске, объясни свой вчерашний поступок, — потребовал учитель.

Кирилл откинул крышку парты, пошел к доске.

— Конечно, плохо я поступил... Простите меня, Николай Павлович... И вы, ребята, простите. Больше это не повторится...

— Как решит класс? — спросил Николай Павлович.

— Надо простить, — первым отозвался Вася Акунка.

— Верно, простим, — поддержал Мурга.

Тогда Николай Павлович сказал:

— Ты, Кирилл, дал твердое слово всему коллективу, всем своим товарищам. Учти, если нарушишь обещание...

— Честное пионерское, не нарушу!

Довольные, что все обошлось, ребята на перемене обступили Кирилла, расспрашивали, как это он поймал живого лося. Но Кирилл не стал рассказывать — ему было неприятно вспоминать об этом.

Научившись грамоте, Кирилл пристрастился к чтению. Читал он много, книгу за книгой: ему хотелось побольше узнать о мире, который простирался далеко за пределами Тумнина.

Однажды Мурга застал Кирилла плачущим над книгой.

— Что случилось, Кирка?

Кирилл быстро вытер рукавом слезы и, передав Мурге «Хижину дяди Тома», взволнованно заговорил:

— Разве другая кровь у негров под черной кожей? Конечно, нет! Я вижу, что они гораздо лучше белых людей в этой книжке. Жаль, далеко дело происходит. Взял бы свое ружье и поехал бы неграм на помощь! Как ты думаешь, можно так?

Мурга еще не читал «Хижину дяди Тома» и

поэтому не понимал, о чем говорил Кирилл.

— Знаешь, Кирка, давай попросим Николая Павловича, чтобы вслух прочел нам эту книжку!

— Я слушать не буду!

— Почему?

— Я страшно злой!

Вечером, когда Кирилл сдавал книгу, учительница спросила, что бы он хотел еще прочитать.

— Никакой мне книги не надо! Не могу больше!

— Отчего это? — удивилась учительница: мальчик всегда так охотно брал книги.

— О неграх думать буду, а помочь им все равно не могу. Расскажите лучше, где живут они?

Выслушав рассказ учительницы, Кирилл еще более заволновался. А когда узнал о трагической судьбе негритянских юношей из американского штата Алабама, казненных на электрическом стуле, не удержался и зарыдал. Успокоившись и не стыдясь своих слез, зашагал по короткой комнате.

— Неужели такое бывает на земле? — и повернулся к учительнице. — А у нас, глядите, в нашей лесной школе: я — эвенк, Мурга — ороц, Котька Соколов — русский. Все мы дружки! Приехал бы в Уську негритянский мальчик, был бы тоже дружком нашим. Нет нигде лучше, чем у нас. Верно?

Школьные годы бежали быстро. Кирилл с круглыми пятерками перешел в шестой класс.

Он вырос, стал шире в плечах, коренаст, лицо обрело мужественные, строгие черты. Его черные как смоль волосы были зачесаны на пробор. Узкие, близко поставленные глаза глядели остро, проницательно.

В эту пору в жизни Кирилла Батума произошло большое событие.

Школьники Приморского края собирались ехать в Москву. Предложили и директору ороцской школы выделить лучшего ученика. Телеграмму принесли ночью. На улице лил дождь. Ветер гнал по небу черные тучи. Шумела тайга. В такую погоду никто из дома не выходит, но Николаю Павловичу не сиделось.

Надел брезентовый плащ с капюшоном, высокие резиновые сапоги и пошел на почту выяснить расписание пароходов. Узнав, что пароход «Сима» грузится и отойдет во Владивосток через два дня, Николай Павлович встревожился. Еще предстояло на учительском совете выбрать достойного кандидата для поездки в Москву. Ведь никто из местных жителей никогда не был в большом городе, не то что в столице. И он решил зайти к председателю сельского совета.

Шлепая в темноте по лужам, Сидоров еле добрался до квартиры Михаила Намунки. Разбудил его.

— Что за дело у тебя, Николай Павлович? Или большая вода к Уське подошла?

Как раз в эти дождливые дни ждали наводнения.

— Какая там большая вода, Михаил Петрович! Тут дело большое решить надо. — И показал ему телеграмму.

Намунка оживился.

— Вопрос серьезный, Михаил Петрович, надо обдумать вместе.

— Давай вместе, чего там.

Намунка закурил трубку.

Когда после недолгого молчания учитель назвал Кирилла Батума, Михаил Петрович возражать не стал.

— Что ж, он мальчик грамотный. Озорной, правда. Как бы кое-чего не натворил...

— Как раз это меня не волнует. Кирилл в последнее время стал дисциплинированным, толковым. Учится на пятерки. Но и другие ученики не хуже.

Подумав, Намунка сказал:

— Ладно, пускай Кирилл!

Утром на первом уроке Николай Павлович рассказал ребятам о телеграмме и о решении послать в Москву Батума.

— Тебе, Кирилл, выпала большая честь: ты первым из жителей Уськи-Орочской побываешь в Москве. Веди себя хорошо. Все, что увидишь в столице, старайся хорошо запомнить. Веди дневник. По возвращении придется обо всем, что увидел, рассказать народу.

— Спасибо, Николай Павлович, — только и мог ответить Кирилл.

Изрядно поредевший осенний лес, промытый долгими дождями, дышал прохладой. Вода в Тумнине за эти дни сильно поднялась, а местами, где был низкий берег, подошла к самым домам. В другое время никто бы не решился гнать ульмагду в Усть-Дату, но случай был особенный, и люди не думали об опасности. Тем более, что с Кириллом будет такой опытный и смелый человек, как Тихон Иванович. Да и сам Кирилл не из робкого десятка.

Провожали его все жители Уськи-Орочской. Даже древние старушки — Акунка и Адьян — пришли на берег в праздничных халатах.

Последним явился Мишка Батум. Спотыкаясь на скользких кочках, он гордо нес на плече чемодан брата. Сам положил его на дно ульмагды, прикрыл брезентом.

— Пэдэм нэйво! ¹ — сказала бабушка Акунка, когда ульмагду сдвинули на воду и Тихон взялся за весло.

Лодка скрылась за поворотом, а народ все еще стоял на берегу.

Девочки, сойдясь в кружок, громко запели:

Москва моя,
Страна моя,
Ты самая любимая...

Теперь ждали возвращения Кирилла.

3

Многое повидал Кирилл Батум. Будто целых сто книг прочитал. И самая замечательная из всех книг — Моск-

¹ Счастливого пути!

ва. Ходил по ней и не верил, что видит ее наяву. Все казалось ему, что чудный сон снится. Потом привык.

Три вечера собирались орочи в клуб слушать его. В первый вечер Кирилл читал по тетрадке — сколько городов проехал и что в городах видал. А когда дошел до Москвы, отложил тетрадку в сторону.

— В Москве такие дома есть, высотными их называют, что прямо в облако крышей упираются. Наверно, раза в два или в три выше нашей Орлиной сопки.

В зале возник шум. А кто-то спросил удивленно:

— И на самой верхушке люди живут?

— Живут!

— Сказку нам говоришь!

— Почему сказку? — обиделся Кирилл. — Сам с ребятами на верхушке такого большого дома жил.

— Что же, вы на крыльях туда летали?

— Почему на крыльях? — засмеялся Батум. — Внизу ящик такой есть, заходишь в него, кнопку, какую надо, нажмешь — и на верхний этаж мигом взлетаешь.

— Это называется лифт! — подсказал Николай Павлович.

Кирилл быстро заглянул в тетрадку.

— Верно, лифт! — Отпив воды из стакана, Кирилл продолжал: — Много очень людей в Москве. Что днем, что вечером, что ночью — все одинаково. В другой раз пройти трудно. В тайге, думаю, деревьев меньше, чем в Москве людей.

— Однако, не потерялся! — крикнул кто-то с задней скамейки.

— Видишь, не потерялся, — улыбнулся Кирилл, — обратно в Уську живой-здоровый вернулся.

У Кирилла, казалось, не хватало слов, чтобы обо всем рассказать, и он стал изображать жестами, мимикой. Так он изобразил, как ехал в автобусе на Красную площадь, как стоят часовые у Ленинского мавзолея.

— Ровно живой, товарищ Ленин в мавзолее лежит. Мимо него длинной цепочкой прошли. Потом за нами другие потянулись. А когда из мавзолея на Красную площадь вышли, там еще тьма народу очереди своей ждала...

— В Кремль тоже заходил, конечно? — спросил Бомба.

— Наверно, заходил, — сказал Копинка.

— Зачем подгонять мальчишку! — сердито глянув на Бомбу, говорит Тихон. — Его до Кремля дойдет еще!

Передохнув, Кирилл продолжал:

— На высокой башне, что Спасской называется, видел большие часы. — Он попытался показать, какого размера эти часы, и описал в воздухе круг, но сделал он это слишком быстро, и люди попросили показать еще раз. — Вот такие они, часы. Когда отбивают время, слышно по всей стране. И в нашей Уське-Орочской тоже слышно. Вот в Москве полночь будет, двенадцать ровно, а у нас утро будет, семь ровно. Каждый по радио услышать может те большие часы.

— Слышали, чего там, — крикнул Ауканка. — Только не видели, какие они, а слышать — слышали.

Кирилл взял со стола тетрадку.

— Дальше на выставке были. Называется она Всесоюзная сельскохозяйственная. Все, что земля родит, все туда собрали. Капусту, пшеницу, картошку, морковь, саго — все туда собрали. Потом коров, лошадей, овец, чушек. Таких, понятно, не везде увидишь. Только там.

— А пушных зверей разве нет?

— Есть и звери, — оживился Кирилл. — Лисиц черно-бурых и красных видел. Колонков и норок видел. Белок — то же самое — видел. В клетках живут.

Охотники оживились. В зале поднялся шум.

— Ишь ты, пушных зверей там видал!

Кирилл подождал немного, пока люди успокоятся.

— А мехов разных там тьма. Много мехов видел. И медвежьи шкуры лежат, и тигровые — разные.

— Ясно, раз пушнину в контору наш брат сдает, значит, и шкуры там есть, — заключил Мулинка. И, поискав глазами директора заготконторы, спросил его: — Игнат Павлович, пушнину, что тебе сдаем, в Москву тоже посылаешь?

— Как же, весь товар в Москву отправляем, — подтвердил директор.

Потом Кирилл рассказал, где экскурсанты жили, что ели, какие кинокартины смотрели.

Из отдельной тетрадки читал про московский планетарий.

— Только зашли туда — увидели небо. На улице оно без луны, без звезд, серое, туманное. А как туда

зашли — совсем другое. Луна плывет, звезд тьма, ровно как у нас сегодня. И каждая звездочка имя свое имеет... Правда, про Большую и Малую Медведицы да про Венеру я прежде знал. А про многие другие только в планетарии услышал. И откуда берутся они, услышал. И как далеко от Земли стоят, узнал. Оказывается, наша Земля, на которой живем, тоже есть планета.

— Это мы знаем, — крикнула Уля. — Учили.

— Ты знаешь, а старые люди не знают, — обиженно сказала бабушка Адьян. — Я сколько зим прожила, однако, не знала этого. В первый раз слышу.

— Ты, однако, скажи еще, как в Москве люди под землей ездят, — спокойно попросил Тихон. — В газетке давно пишут про это. Наверно, вас тоже под землей катали?

— Катали, дядя Тихон! — радостно воскликнул Кирилл и стал поспешно листать тетрадку. — Нашел! Сколько дней в Москве жили, столько раз на метро ездили. А в иной день даже очень часто.

— Вот и расскажи!

— Сейчас, дядя Тихон, — заторопился Кирилл. — Как в метро заходишь, надо первым делом билет купить...

— Много стоит? — слышится чей-то голос с заднего ряда.

— Наверно, немного. Сами, конечно, билеты не покупали. Нам их руководитель брал. Пока нас вперед пропускали, он билеты, кому надо, показывал. И вот, — Кирилл удивленно мотнул головой, лицо его расплылось в улыбке, — станешь на ступеньку лестницы, а она сама тебя вниз возит. Только держись!

— А куда возит?

— Сейчас скажу куда. — Кирилл заглянул в тетрадку, — в вести... буль...

— Не поняли...

— В вести-бюль, — по складам прочитал Кирилл и посмотрел в зал. — Ну, как сказать, чтобы поняли... Такой светлый дворец, не хуже, чем в самом Кремле. Ламп там горит не меньше сотни, и светло от них, как днем...

— Под землей это? — с удивлением воскликнул Бомба. — Ты, хитэ, правду говори, тут старые люди сидят.

— Честное пионерское — правда! — стукнув себя кулаком в грудь, крикнул Кирилл.

— Ладно, говори дальше...

— Так вот, дальше как было. Пока туда-назад по дворцу ходили, поезд быстро подскочил. Мы к нему. В это время двери перед нами открылись, и мы в вагон вошли. Кому место досталось, кому нет. Мне как раз место досталось. Ну, когда все люди в вагоны вошли, двери опять сами закрылись — и поезд пошел. Сперва, понятно, тихо пошел, а потом так помчался, что ветер над головой засвистел.

— И все под землей?

— Метро только под землей бежит. В одном месте, правда, под рекой поезд мчался, однако, мы реки не видели. Река, говорили, наверху осталась.

Кто-то от удивления вздохнул.

— Все равно сказку говорят!

— Почему сказку?

— Поверить не могу!

— Своими глазами Кирилл видел!

— Наверно, видел!

Так громким шепотом переговаривались между собой две старые орочки. Кирилл отодвинул тетрадку в дальний угол стола, обвел взглядом сидящих в зале.

— Устал, наверно? — спросил Тихон.

— Мало устал, — виновато улыбнулся Кирилл. — Может, на сегодня хватит?

Николай Павлович подошел к Батуму, усадил его на стул.

— Ну, как, друзья, перенесем отчет Кирилла на завтра?

— Пускай, чего там! — согласился Еменка.

— Конечно, раз не все рассказал.

— Половину только, — произнес Кирилл. — Еще в музей ходили картины смотреть, потом в кино много раз водили нас. На горах, что Ленинскими зовутся, тоже полдня пробыли...

— Не забыл, все помнишь? — спросила бабушка Адя.

Кирилл закивал головой.

Расходились из клуба в полночь. Шли медленно, обсуждали услышанное от Кирилла и все не могли успокоиться.

Орочи, жившие по соседству с Батумом, еще долго стояли с ним около дома и все расспрашивали о Москве.

— Ладно, пускай его поспит, — сказал наконец отец Кирилла, Николай Петрович. — Завтра дальше расскажет.

Над долиной Тумнина в звездном синем небе бродила большая луна. Переполненная голубым сиянием река несла свои громкие воды в каменных острогах Сихотэ-Алиня. Притихший лес, казалось, прислушивается к этому ровному, струящемуся гудению...

В прошлом году пришло в Уську-Орочскую письмо на имя директора лесной школы Сидорова. Писал подполковник запаса, инвалид Отечественной войны.

«Многоуважаемый Николай Павлович!

Пишет Вам бывший начальник политотдела гвардейской части, где в годы войны служил Ваш воспитанник Кирилл Николаевич Батум. Хорошо помню этого отважного солдата, покрывшего себя вечной славой. Подвиг гвардии старшего сержанта Кирилла Батума, который он совершил вместе со своим другом, разведчиком Потопом Русских, потрясающий и равен подвигу таких народных героев, как Александр Матросов и капитан Гастелло.

Посланные в ночную разведку в глубокий тыл врага, Батум и Русских обнаружили штаб крупного вражеского соединения. Там шло совещание. Фашистские генералы и полковники сидели над картой. Разведчики решили уничтожить вражеский штаб. Дом, где сидели немцы, был под усиленной охраной часовых. А наших воинов — всего двое. Но смельчаки не дрогнули. Они вызвали артиллерийский огонь на себя. Устроив около штаба засаду, дали условный сигнал. Когда через несколько минут грянули залпы наших орудий, во вражеском штабе поднялась паника. Под разрывами снарядов разведчики бросились в атаку, и в короткой дерзкой схватке уничтожили большую группу немецких офицеров.

В этом неравном бою Батум и Русских погибли. Но они ценой своей жизни открыли нашим войскам дорогу для наступления на сильно укрепленную высоту 185.

Случилось это в украинских полях, в окрестностях города Изюм.

Дорогой русский учитель!

Вот таким был ваш ученик Кирилл Николаевич Батум.

Простите, что сообщаю Вам об этом спустя столько лет после войны. Из-за тяжких ранений на фронте я лишь недавно обрел силы ясно мыслить и выражать свои мысли на бумаге. И первое, что я вспомнил, — это беспримерный подвиг Кирилла Батума и Потапа Русских. Они были большими друзьями — русоволосый паренек из под города Кирова и эвенк из таежной Уськи-Орочской.

Вместе они защищали Родину, вместе боролись с врагом и во имя нашей победы вместе как герои погибли.

...Если кому-нибудь из вас придется побывать в Уське-Орочской или просто проехать мимо, то из окна вагона увидите около станции четырехгранный обелиск, увенчанный красной солдатской звездой. «Сын гвардии старший сержант Кирилл Николаевич Батум» — написано на обелиске.

А чуть пониже стоят имена других воинов-орочей, погибших на войне.

Этот скромный, из кирпича и бетона, памятник сооружен руками учителя Сидорова.

Памятник его славным ученикам.

Много лет назад он привел их сюда, в лесную школу, учил и воспитывал их, отсюда провожал на войну...

ПОЕЗД БЕЖИТ СКВОЗЬ ТАЙГУ

Рано утром раздался взрыв. Тайга наполнилась гулом. Эхо повторило его во многих местах. Тумнин пошел волнами. Высокая каменная сопка на правом берегу дрогнула, раскололась, рассыпалась на куски. Старые, в три обхвата, кедры взлетели в воздух, рухнули на соседние горы.

Звери в лесу обезумели; тигр мчался рядом с лосем, кабарга — вместе с рысью, лисы смешались с колонками. Оглушенные взрывом, попадали с веток птицы. В таежных речках всплыли мертвые рыбы.

Тысячелетия гордо высился хребет Сихотэ-Алинь, могучий, недоступный, неподвластный стихиям.

Пришел строитель дорог, сдвинул каменные горы, врубился в вековую тайгу.

Взрыв чудовищной силы, разразившийся в то осеннее утро, однако не испугал людей: они давно ждали его, готовились к нему.

Еще неделю назад дорожный техник Нагибов побывал в домах, велел заклеить оконные стекла бумажными лентами.

— Сопку взрывать будем, — объяснил он, — много динамита заложили. Сильный будет взрыв.

Свою долю труда в строительство железной дороги внесли и орочи. Прирожденные следопыты, они вели изыскателей по диким, нехоженным местам, через тайгу и сопки. А весной, когда реки вышли из берегов и некоторые изыскательские партии оказались отрезанными друг от друга большой водой, на помощь им отправились орочи. Они доставили продукты, вывезли людей из опасных районов.

Рельсы уже протянулись вдоль берега Тумнина, обогнули Уську-Орочскую и ушли дальше в сторону моря.

По несколько раз в день приходила дрезина. Едва заведя ее, мальчишки бежали к железной дороге, садились на дрезину, наперебой кричали:

— Дядя Костя, прокатите!

Долго упрашивать моториста не приходилось.

Один раз он завез ребят так далеко, что они вернулись только к вечеру.

Не отставали от ребят и старые люди. Первые дни смотрели на дрезину со страхом, а потом и сами захотели поездить.

Моторист посмеивался:

— Привыкайте, граждане. Скоро поезд в Уську придет.

Все свободное время орочи проводили у железнодорожной насыпи, незаметно для самих себя включались в общий труд. Они помогали укладывать шпалы, перетаскивали рельсы, забивали на стыках костыли, заворачивали гайки.

Частенько приходили сюда и Николай Павлович с Валентиной Федоровной, и доктор Шарак.

— Кому дорогу строим? — спросил Еменка учителя,